

The background of the poster is a cinematic photograph of a man in a dark trench coat standing on a cobblestone street in Vienna at night. The street is wet, reflecting the city lights and the man's silhouette. In the background, the illuminated dome of St. Stephen's Cathedral is visible against a dark, cloudy sky. A tram is also visible on the street. On the left, a street sign reads 'Wien 1. Stadtbezirk'.

Тот, кем я не был

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА
О ЛЖИ, ПАМЯТИ И ЛЮБВИ

АНАСТАСИЯ СТРЕЛЬЦОВА

Анастасия Стрельцова

Тот, кем я не был

<https://litres.ru/74021924>

SelfPub; 2026

Аннотация

После аварии на мокрой дороге под Веной выживает только один из братьев-близнецов.

Все уверены: это Элиас Келлер — идеальный сын, успешный наследник уважаемой семьи и жених Милы Хартманн. Но человек, очнувшийся в больнице, всё чаще чувствует: чужое имя на его браслете — ошибка.

На самом деле выжил Ноа Келлер — плохой брат, которого семья давно привыкла считать проблемой.

Сначала он молчит, потому что сам не помнит всей правды. Потом — потому что впервые получает любовь, которой всегда был лишён. Но идеальная жизнь Элиаса быстро начинает трескаться: за безупречной репутацией скрывались ложь, предательство и тайны, связанные с самой аварией.

Чтобы вернуть себе имя, Ноа придётся вспомнить всё — и понять, кем на самом деле был его брат.

"Тот, кем я не был" — психологическая драма о семейных тайнах, любви, начавшейся с обмана, и правде, которая разрушает, чтобы освободить.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Анастасия Стрельцова

Тот, кем я не был

Глава 1

Глава 1. Дорога под дождём

Дождь начался ещё в Вене, но за городом стал сильнее.

Он бил по лобовому стеклу тяжёлыми, частыми каплями, и дворники едва успевали смахивать воду. Фары выхватывали из темноты мокрую трассу, белую разметку, низкие кусты вдоль обочины и редкие дорожные знаки, которые исчезали в темноте быстрее, чем Ноа успевал их прочитать.

В машине пахло кожей, влажной шерстью пальто и дорогим одеколоном Элиаса.

Ноа всегда ненавидел этот запах.

Не потому, что он был плохим. Наоборот. Он был слишком правильным. Чистым. Дорогим. Таким пахли люди, у которых всё под контролем: документы подписаны, рубашка выглажена, нужные слова сказаны вовремя, чужие ошибки аккуратно сложены в папку и при необходимости предъявлены как доказательство.

Элиас вёл машину молча.

Одна рука на руле, вторая — возле коробки передач. Спина прямая. Лицо спокойное. Даже после ужина, после раз-

говора в кабинете Маркуса, после того, как Ноа впервые за несколько лет произнёс за семейным столом не просто резкость, а конкретное обвинение, Элиас выглядел так, будто максимум раздражался из-за плохой погоды.

Ноа сидел рядом и смотрел на его профиль.

Они были похожи настолько, что в детстве их путали даже родственники. Один и тот же разрез глаз, одна линия подбородка, одинаковые тёмные волосы. Но сейчас это сходство казалось издевательством.

У Элиаса лицо было лицом человека, которому верят.

У Ноа — лицом человека, которого заранее подозревают.

— Ты был у меня дома, — сказал Ноа.

Элиас не ответил сразу.

Дворники прошлись по стеклу. На секунду дорога стала чёткой: мокрый поворот, отражение фар, знак ограничения скорости. Потом всё снова расплылось.

— Не называй это домом, — сказал Элиас.

Ноа повернул к нему голову.

— Что?

— Комната над мастерской с плесенью у окна — это не дом. Это место, где ты прячешься, когда в очередной раз решаешь, что весь мир против тебя.

Ноа усмехнулся.

Коротко. Без веселья.

— Красиво. Ты это сейчас как брат сказал или как человек, который рылся в моих вещах?

— Я не рылся.

— Тогда откуда ты знаешь про билет?

Элиас молчал.

На этот раз Ноа не перебил. Просто смотрел на него и ждал.

Иногда молчание говорило больше, чем признание. Особенно когда молчал Элиас.

— Значит, всё-таки был, — сказал Ноа.

— Мама попросила проверить, не оставил ли ты там что-нибудь важное.

— Мама даже не знает, где я живу.

Элиас не изменился в лице.

— Она знает достаточно.

— Нет. — Ноа медленно кивнул. — Она знает то, что ты ей рассказываешь.

Машина вошла в плавный поворот. Шины прошли по воде с глухим шорохом.

— Ты купил билет в Берлин, — сказал Элиас. — Без предупреждения. Без разговора. Просто решил исчезнуть.

— Я решил уехать.

— Ты решил сбежать.

— От тебя — да.

Элиас чуть крепче сжал руль. Едва заметно. Почти ничего. Но Ноа заметил.

Он замечал в брате всё, что другие не видели: паузы перед ложью, спокойствие перед ударом, лёгкое движение губ, ко-

гда Элиас уже решил, как именно выставит его виноватым.

— Ты правда думаешь, что в другом городе станешь другим человеком? — спросил Элиас.

— Нет. Я думаю, что в другом городе мне хотя бы не придётся каждое утро доказывать, что я не ты.

Элиас усмехнулся.

— Поверь, до меня тебе далеко.

Ноа отвернулся к окну.

За стеклом темнела лесополоса. В отражении он видел своё лицо — почти такое же, как у Элиаса, только более усталое. Жёстче. С синяком на скуле после сегодняшней стычки у выхода из ресторана. Не драки, нет. Элиас никогда бы не допустил полноценной драки. Слишком грязно. Слишком очевидно.

Ноа просто схватил его за рукав, когда тот попытался уйти от разговора.

Элиас оттолкнул его.

Маркус увидел только вторую половину.

Как обычно.

— Вот это уже честно, — сказал Ноа.

— Что именно?

— Наконец-то без этой твоей благородной маски.

— Осторожнее.

Ноа тихо рассмеялся.

— Или что? Снова скажешь отцу, что я нестабилен? Что я сорвался? Что сорвал встречу, испортил проект, подвёл се-

мью?

Элиас не ответил.

— Письмо Штайнеру, — сказал Ноа. — Давай начнём с него.

В машине стало тише.

Даже дождь, казалось, на секунду отошёл на второй план.

— Что письмо Штайнеру? — спросил Элиас.

— Оно ушло не с моего ноутбука.

Элиас посмотрел на дорогу.

— У тебя опять начинается.

— Нет. На этот раз я проверил.

— Что именно ты проверил?

Теперь в его голосе появилась внимательность.

Не страх. Нет. Элиас не боялся так просто. Но он насто-
рожился.

И Ноа впервые за вечер почувствовал, что попал не в сте-
ну, а в дверь.

— Логи. Время отправки. IP. Я был у Софии в тот вечер.
Ты знал?

Элиас промолчал.

— Конечно, знал, — сказал Ноа сам себе. — Ты же то-
гда первым приехал к отцу. Первым показал письмо. Первым
сказал, что я опять всё испортил.

— Ты не был в состоянии вести тот проект.

— Поэтому ты отправил клиенту письмо от моего имени?

— Не говори о том, чего не можешь доказать.

— Я могу.

Элиас впервые повернул голову.

Всего на секунду.

Ноа увидел его глаза. Холодные. Сосредоточенные.

— Что у тебя есть?

— Уже интересно?

— Мне интересно, насколько далеко ты готов зайти, чтобы оправдать собственные провалы.

Ноа сжал челюсть.

Это было старое место. Больное. Отработанное. Элиас нажимал туда точно, почти лениво, как человек, который знает расположение всех трещин.

Раньше Ноа взорвался бы. Закричал бы. Ударил по панели. Сказал бы что-то такое, после чего Элиасу осталось бы только спокойно поднять руки и показать всем: видите, с ним невозможно говорить.

Но сегодня Ноа не хотел давать ему этот подарок.

— Забавно, — сказал он. — Каждый раз, когда я подхожу к фактам, ты начинаешь говорить о моём характере.

— Потому что твой характер всегда был частью проблемы.

— Удобно.

— Реалистично.

— А то, что письмо ушло с компьютера в офисе, когда меня там не было, тоже часть моего характера?

Элиас молчал.

— А то, что доступ к почте был у тебя, Лукаса и отца?

— Не втягивай Лукаса.

— Почему? Он тоже нервничает?

Элиас резко выдохнул.

— Ты не понимаешь, во что лезешь.

— Так объясни.

— Нет.

— Почему?

Элиас посмотрел вперёд. Его лицо снова стало ровным.

— Потому что тебе всё равно никто не поверит.

Фраза прозвучала спокойно.

Без злости. Без нажима. Почти буднично.

От этого она ударила сильнее.

Ноа почувствовал, как внутри всё стало холодным. Не горячим, как во время обычной злости, а именно холодным. Ясным.

— Вот теперь ты сказал правду, — произнёс он.

Элиас не ответил.

— Не “я этого не делал”. Не “ты ошибаешься”. А “тебе никто не поверит”.

— Тебе удобно слышать только то, что подтверждает твою версию.

— А тебе удобно, что моя версия никому не нужна.

Дорога пошла вниз. Вода стекала по асфальту тонкими блестящими ручьями. Машину слегка повело на луже, но Элиас быстро выровнял её.

Ноа посмотрел на его руки.

Ровные. Спокойные. Без колец. Без следов нервозности.

У Элиаса всё всегда выглядело чисто.

Даже ложь.

— Ты сам уничтожил свою репутацию задолго до письма,

— сказал Элиас.

— А ты просто помог?

— Я спасал фирму.

— Нет. Ты спасал себя.

— Фирма, семья, имя — это и есть я. Ты так и не понял.

Ноа повернулся к нему.

— А Мила тоже часть имени?

Руки Элиаса на руле напряглись.

Вот оно.

Маленькое. Едва заметное.

Но настоящее.

— Мила здесь ни при чём, — сказал Элиас.

— Правда?

— Не начинай.

— Она знает про документы?

— Какие документы?

— Те, которые отец сегодня не захотел обсуждать при ней.

— Потому что у отца есть здравый смысл.

— Потому что ты заранее сказал ему, что я устрою сцену.

— Ты её и устроил.

— Я задал вопрос.

— При гостях.

— При семье.

Элиас усмехнулся.

— Ты давно не понимаешь разницы.

Ноа вспомнил ужин.

Длинный стол. Белые тарелки. Голос Хелены, которая слишком быстро перевела разговор на новый проект бюро. Маркус, положивший вилку на край тарелки с тем самым тихим звуком, после которого в детстве оба брата понимали: разговор окончен.

И Мила.

Она сидела рядом с Элиасом. В тёмно-синем платье, с убранными волосами, красивой шеей и усталостью в глазах, которую остальные, кажется, не замечали.

Когда Ноа спросил о завышенных сметах по проекту на Ландштрассе, она подняла глаза.

Не удивлённо.

Скорее так, будто слышала то, о чём давно боялась спросить сама.

Элиас тогда положил ладонь ей на руку.

Мягко.

Почти нежно.

И Мила замолчала ещё до того, как успела что-то сказать.

— Она боится тебя, — сказал Ноа.

Элиас засмеялся негромко.

— Вот теперь ты совсем жалок.

— Я видел, как она на тебя смотрела.

— Ты видел то, что хотел увидеть.

— Нет. Я видел, как ты коснулся её руки, и она сразу замолчала.

— Потому что Мила воспитана лучше тебя.

Ноа почувствовал, как пальцы сами сжались в кулак.

Элиас заметил и чуть заметно усмехнулся.

Вот оно.

Снова.

Давай, Ноа. Сорви голос. Ударь по панели. Докажи всё за меня.

Ноа медленно разжал пальцы.

— Что ты подписал от её имени? — спросил он.

На этот раз Элиас не ответил слишком быстро.

Ошибся.

— Осторожно, — сказал он наконец.

— Значит, подписал.

— Я сказал: осторожно.

— Или что? Ты расскажешь ей, что я снова всё придумал? Что я завидую? Что мне больно видеть, как у тебя есть жизнь, которую я не смог построить?

— А разве нет?

Ноа посмотрел на него.

Брат произнёс это без насмешки. Почти ровно. И, может быть, именно поэтому фраза на секунду попала глубже, чем должна была.

Потому что часть правды там была.

Ноа действительно завидовал.

Не квартире Элиаса. Не костюмам. Не должностям. Не тому, как Маркус представлял его партнёрам: “мой сын Элиас”, будто фамилия Келлер звучала в этот момент увереннее.

Он завидовал тому, как легко люди давали Элиасу право быть услышанным.

— Да, — сказал Ноа.

Элиас на секунду замолчал.

Он не ожидал честного ответа.

— Завидую, — продолжил Ноа. — Тому, что тебе верят до того, как ты открываешь рот. А мне не верят даже после доказательств.

— Потому что ты годами делал всё, чтобы тебе не верили.

— И ты годами следил, чтобы это не изменилось.

Элиас посмотрел вперёд.

— Ты слишком много разговаривал с Софией.

— Она хотя бы не врёт мне в лицо.

— София любит спасать сломанных людей. Это не делает её умной.

— Не говори о ней.

— А то что?

Ноа не ответил.

Он снова посмотрел в окно. Дождь и темнота. Редкие огни где-то далеко, возможно, фермы или маленького посёлка. До Вены отсюда уже было не так близко.

И только сейчас Ноа понял, что давно не узнаёт дорогу.
Он выпрямился.

— Где мы?

— Почти приехали.

— Куда?

Элиас молчал.

Ноа посмотрел на навигацию, но экран был выключен.

— Почему навигатор не работает?

— Потому что я знаю дорогу.

— Это не дорога в город.

— Нет.

— Тогда куда мы едем?

Элиас не ответил.

Внутри Ноа что-то насторожилось. Не мысль даже — тело. Плечи напряглись, дыхание стало короче.

— Останови машину.

— Не начинай.

— Я спросил, куда мы едем.

— И я сказал: почти приехали.

— Это не ответ.

— Тебе не всегда обязаны отвечать так, как ты хочешь.

Ноа наклонился вперёд и посмотрел на знак, который фары выхватили из дождя.

Старая трасса.

Северо-западнее Вены. Узкая дорога через лесополосу, которой почти никто не пользовался ночью, особенно в та-

кую погоду.

— Ты свернул не туда, — сказал Ноа.

— Нет.

— Элиас.

— Сиди спокойно.

— Останови машину.

Элиас посмотрел на него.

И в этом взгляде впервые за вечер не было привычной аккуратной маски. Там было что-то другое. Усталость. Злость. И странная, почти пугающая решимость.

— Ты всегда требуешь остановиться, когда становится неудобно, — сказал он.

— Я не шучу.

— Я тоже.

Ноа медленно потянулся к ремню безопасности.

— Не надо, — сказал Элиас.

— Останови машину.

— Ремень не трогай.

— Тогда останови.

Элиас нажал на газ.

Машина рванула вперёд. Не резко, но достаточно, чтобы Ноа вжало в сиденье.

— Ты что делаешь?

— Заканчиваю разговор.

— На пустой трассе?

— Там, где нас никто не перебьёт.

Ноа посмотрел на него.

— Ты собирался сюда с самого начала?

Элиас молчал.

— После ужина? После кабинета? Или раньше?

— Не всё вокруг тебя, Ноа.

— Да неужели?

— Ты думаешь, если нашёл пару файлов, то понял всю картину?

— Тогда покажи мне картину.

— Поздно.

Слово было тихим.

Ноа услышал его очень ясно.

Поздно.

Дождь бил по стеклу. Машина шла слишком быстро для этой дороги. Обочина становилась уже, деревья подступали ближе. Фары вырывали из темноты мокрые стволы, дорожные столбики, поворот за поворотом.

— Что значит “поздно”? — спросил Ноа.

Элиас не ответил.

— Элиас.

— Ты должен был просто уехать, — сказал тот.

Ноа замер.

— Что?

— В Берлин. Прагу. Куда угодно. Ты ведь так хотел начать заново.

— Так ты поэтому забрал билет?

— Я не забирал.

— Не ври.

— Ты сам оставляешь вещи там, где их легко найти.

— Ты хотел помешать мне уехать?

Элиас усмехнулся.

— Наоборот.

Ноа почувствовал неприятный холод под рёбрами.

— Что значит “наоборот”?

— Тебе нужно было уехать раньше.

— Раньше чего?

Элиас сжал руль.

Молчание длилось несколько секунд.

Слишком долго.

— Что ты сделал? — спросил Ноа.

— Ты задаёшь слишком много вопросов.

— Что ты сделал, Элиас?

— Я сделал то, что ты никогда не умел.

— Что?

— Выбрал выход.

Ноа смотрел на него и вдруг перестал понимать, где заканчивается привычная манипуляция и начинается что-то настоящее.

Элиас был не просто зол.

Он был собран.

Так не выглядят люди, которые импровизируют.

— В багажнике что-то есть? — спросил Ноа.

Элиас не ответил.

Ноа потянулся к кнопке бардачка.

— Не трогай.

Слишком быстро.

Ноа открыл бардачок.

Внутри лежала плотная папка на резинке. Чёрная. Без подписи. Он успел увидеть край документов, маленький пластиковый пакет с флешкой и что-то похожее на паспорт, прежде чем Элиас резко ударил рукой по крышке.

Бардачок захлопнулся.

— С ума сошёл? — Ноа отдёрнул руку.

— Я сказал не трогать.

— Это мои документы?

— Нет.

— Чьи?

— Тебе лучше не знать.

— Ты везёшь меня ночью за город с чужими документами и говоришь, что мне лучше не знать?

— Именно.

Ноа коротко выдохнул.

Всё внутри стало предельно ясным. Не полностью — нет. Он всё ещё не понимал схемы, не понимал роли Лукаса, не понимал, что именно подписала или не подписала Мила. Но он понял главное: этот разговор не должен был закончиться примирением.

Элиас не хотел объяснить.

Он хотел закрыть.

— Ты собираешься меня подставить, — сказал Ноа.

Элиас посмотрел на дорогу.

— Тебя не нужно подставлять.

— Ответь.

— Всем и так легко поверить в худшее о тебе.

Вот оно.

Не крик. Не признание. Не театральная злость.

Просто факт, сказанный ровным голосом.

Ноа почувствовал, как у него немеют пальцы.

— Ты больной.

— Нет, Ноа. Я просто единственный в этой семье, кто ещё

понимает последствия.

— Последствия чего?

Элиас не успел ответить.

Впереди резко вспыхнул свет встречных фар.

Дорога сужалась на повороте. Вода стояла на асфальте широкой блестящей полосой. Элиас чуть повернул руль, но машина прошла по луже и на мгновение потеряла сцепление.

Ноа вцепился в ручку двери.

— Сбавь скорость.

Элиас молчал.

— Сбавь скорость, чёрт возьми.

— Не командуй мной.

— Ты нас убьёшь.

— Ты всегда преувеличиваешь.

— Элиас!

Ноа потянулся к рулю не потому, что хотел схватить его. Не в первую секунду. Он хотел заставить брата посмотреть на дорогу, сбросить скорость, перестать играть в этот ледяной контроль.

Но Элиас резко оттолкнул его руку.

— Не трогай меня!

Машину дёрнуло.

Встречные фары ударили в глаза.

Белый свет заполнил всё.

Ноа успел увидеть лицо Элиаса — уже не спокойное, не идеальное, не уверенное. На долю секунды там был страх.

Настоящий.

Потом шины сорвались.

Сначала был звук.

Длинный, рваный визг по мокрому асфальту.

Потом удар в бок.

И ещё один.

Мир накренился. Стекло разлетелось на белые осколки. Ремень безопасности врезался Ноа в грудь так сильно, что воздух исчез. Что-то хрустнуло — металл, пластик, кость, он не понял. Голова ударилась обо что-то твёрдое.

На секунду стало тихо.

Совсем.

Даже дождь пропал.

Потом всё вернулось сразу.

Сигнал машины, застрявший в одном протяжном звуке.

Запах бензина.

Холод.

Вода на лице.

Боль.

Ноа открыл глаза, но не сразу понял, где верх, а где низ. Машина лежала под углом или перевернулась — он не мог определить. Мир был разорван на куски: треснувшее стекло, тёмная ткань сиденья, мигающий свет приборной панели, рука Элиаса, неестественно вывернутая возле руля.

— Элиас...

Голос прозвучал хрипло.

Может быть, это сказал он.

Может быть, только подумал.

Ноа попытался пошевелиться. Боль вспыхнула так резко, что его затошнило. Он зажмурился, переждал, снова открыл глаза.

Элиас был рядом.

Слишком близко.

Кровь темнела у его виска, стекала к брови, смешивалась с дождём, который проникал через разбитое окно. Один глаз был приоткрыт. Губы чуть разомкнуты. На лице не осталось ничего от человека, который десять минут назад говорил, что всё рассчитал.

— Эй, — выдохнул Ноа. — Элиас.

Брат не ответил.

Ноа попытался поднять руку. Пальцы скользнули по чему-то холодному и мокрому. Стекло. Металл. Кровь.

Он не знал, чья.

— Элиас, слышишь?

Тишина.

Только сигнал. Дождь. Собственное дыхание, рваное, чужое.

Где-то снаружи слышались голоса.

Сначала далеко. Потом ближе.

— Здесь! Машина здесь!

— Вызывайте скорую!

Кто-то подбежал к машине. Свет фонаря скользнул по салону, ударил Ноа в глаза. Он попытался отвернуться, но голова не слушалась.

— Осторожно! Там двое!

Двое.

Ноа хотел сказать: помогите ему.

Хотел сказать: не трогайте папку.

Хотел сказать: я Ноа.

Почему-то именно это стало важным.

Не документы. Не письмо Штайнеру. Не билет в Берлин. Не Мила, не Маркус, не вся эта проклятая фамилия, которая всю жизнь стояла между ним и воздухом.

Имя.

Своё имя.

Он попытался открыть рот.

Получился только хрип.

Кто-то снаружи дёрнул дверь, но металл не поддался. Раздался приглушённый мат на немецком. Потом ещё один голос, ближе:

— Он жив! Этот жив!

Фонарь снова осветил лицо Ноа.

Он хотел сфокусироваться. Хотел удержаться в сознании. Но темнота уже поднималась снизу — плотная, вязкая, тёплая. Она забирала звук, потом боль, потом лица.

— Элиас! — крикнул кто-то.

Ноа замер внутри этого звука.

Кого они звали?

Брата?

Его?

Он попытался повернуть голову к Элиасу, но не смог.

— Элиас, вы меня слышите?

Нет, хотел сказать Ноа.

Нет.

Я не Элиас.

Губы не двинулись.

Свет расплылся. Голоса стали глуше, будто доносились из-под воды. Дождь продолжал бить по разбитому кузову. Где-то совсем рядом лежал Элиас — неподвижный, тихий, впервые в жизни не способный ответить за них обоих.

Ноа попытался удержать своё имя.

Ноа Келлер.

Ноа.

Он повторил его внутри себя один раз.

Потом второй.

На третий из темноты снова донеслось:

— Элиас!

И Ноа уже не понимал, кого именно зовут из ночи.

Глава 2

Глава 2. Белая комната

Первым вернулся запах.

Резкий, чистый, неприятный. Не дождь. Не бензин. Не мокрая кожа сиденья.

Антисептик.

Ноа не сразу понял, что это значит. Сначала запах просто был — чужой, больничный, слишком яркий для темноты, в которой он плыл. Потом где-то рядом запищал аппарат. Ровно. Тонко. С паузами. Ещё один звук — тише, глубже, будто кто-то дышал через пластиковую трубку.

Он попытался открыть глаза.

Не получилось.

Веки были тяжёлыми. Лицо казалось не лицом, а чужой распухшей маской. Во рту пересохло так, будто он несколько дней глотал песок. Язык не слушался. Горло саднило.

Он снова попытался вдохнуть — и сразу пожалел.

Боль прошла через грудь короткой белой вспышкой.

Ноа хотел пошевелиться, но тело не согласилось. Оно лежало отдельно от него. Где-то далеко. Под простынёй, бинтами, проводами, тяжестью.

Он не знал, сколько времени прошло.

Минуты.

Часы.

Дни.

В голове не было цельной мысли. Только куски.

Дождь по стеклу.

Рука Элиаса на руле.

Чёрная папка в бардачке.

Фраза: “Тебе всё равно никто не поверит”.

Белый свет встречных фар.

Удар.

Потом — ничего.

Нет.

Не ничего.

Было ещё что-то после.

Холод. Металл. Голос снаружи.

“Элиас!”

Ноа открыл глаза.

Потолок был белым.

Слишком белым. Из-за этого сначала показалось, что зренья почти нет. Только свет, размытые контуры и тень от медицинской стойки справа. Он моргнул. Картинка дрогнула, стала чуть резче.

Больница.

Он понял это не сразу, но достаточно быстро, чтобы испугаться.

Рядом с кроватью стояли аппараты. К одному из них тянулась трубка. К другому — провода от его груди. Левая рука была зафиксирована, на кисти — катетер и синяк, расплыв-

шийся под кожей фиолетовым пятном. Правая почти не чувствовалась.

Ноа попытался повернуть голову.

В виске ударило так, что его затошнило.

Он закрыл глаза.

Где Элиас?

Мысль пришла резко. Без эмоции сначала. Просто как факт, который нужно проверить.

Где Элиас?

Он хотел спросить, но из горла вышел только сиплый звук.

Кто-то шевельнулся рядом.

— Тихо. Не пытайтесь говорить.

Женский голос. Не знакомый. Профессионально мягкий.

Ноа снова открыл глаза.

Над ним склонилась медсестра. Светлые волосы собраны, на шее бейдж, в руках что-то прозрачное — шприц или ампула. Она посмотрела на монитор, потом на него.

— Вы в больнице. Вы меня слышите?

Ноа попытался кивнуть, но шея не послушалась.

— Хорошо. Не двигайтесь. У вас были серьёзные травмы. Сейчас я позову врача.

Она ушла из поля зрения.

Дверь открылась. Закрылась.

Ноа остался один с белым потолком и писком аппарата.

Он попытался собрать себя.

Имя.

Ноа Келлер.

Возраст.

Тридцать два.

Вена.

Авария.

Элиас.

На последнем имени что-то в голове соскользнуло. Не исчезло — именно соскользнуло, как мокрые пальцы с гладкого стекла.

Он увидел лицо брата после удара.

Кровь у виска.

Открытый глаз.

Потом другой фрагмент: Элиас за рулём, спокойный, говорит “поздно”.

Потом — папка в бардачке.

Потом — крик снаружи.

“Элиас, вы меня слышите?”

Но почему они говорили это ему?

Дверь открылась снова.

На этот раз вошли двое. Врач в белом халате и мужчина постарше в тёмно-синем медицинском костюме. Врач что-то сказал медсестре на немецком. Та ответила тихо. Ноа понимал отдельные слова, но смысл распадался.

Травма.

Сознание.

Реакция.

Память.

Врач подошёл ближе и включил маленький фонарик.

— Господин Келлер, вы меня слышите?

Ноа моргнул.

— Хорошо. Следите глазами за светом.

Свет ударил в правый глаз, потом в левый. Он поморщился.

— Больно?

Ноа хотел сказать “да”, но вышел только хрип.

— Не говорите пока. Просто моргните один раз, если больно.

Он моргнул.

Врач кивнул, сделал пометку на планшете.

— Вы были без сознания. Сейчас вы в Allgemeines Krankenhaus. В Вене. После аварии.

Аварии.

Слово легло на него тяжело, но не дало ничего нового.

Он и так знал.

Или думал, что знал.

— Вы помните, что произошло?

Ноа попытался ответить.

Дождь. Фары. Элиас. Папка. Руль.

Губы шевельнулись.

— Э...

Горло сжалось. Звук получился едва слышный.

Врач наклонился ближе.

— Не напрягайтесь.

Ноа попытался ещё раз.

— Эли...

Боль полоснула по голове. Он зажмурился.

Врач положил ладонь ему на плечо — осторожно, без давления.

— Спокойно. У вас черепно-мозговая травма, сотрясение, несколько переломов, сильная кровопотеря. После такого спутанность — нормальна. Память может возвращаться фрагментами.

Спутанность.

Хорошее слово.

Удобное.

Им можно было накрыть всё, что не помещалось в объяснение.

Ноа снова открыл глаза.

Он хотел спросить: где мой брат?

Но не смог.

Дверь в палату открылась.

Сначала он услышал каблуки.

Быстрые, неровные, как будто человек пытался идти сдержанно и не получалось. Потом в поле зрения появилась женщина в светлом пальто. Волосы убраны низко на затылке, лицо бледное, губы без помады. Она остановилась у двери, увидела его — и закрыла рот ладонью.

Хелена Келлер.

Мать.

Ноа узнал её сразу.

Не по лицу даже. По тому, как внутри всё сжалось.

В детстве он умел по звуку её шагов понимать, в каком она настроении. В каком платье она придёт на школьный концерт. Будет ли улыбаться другим родителям. Будет ли потом говорить, что он мог бы постараться лучше.

Сейчас Хелена смотрела на него так, как никогда не смотрела на Ноа.

С открытым страхом.

С облегчением.

С любовью, которую он не сразу узнал, потому что не привык видеть её направленной на себя.

— Можно? — спросила она у врача.

Врач кивнул.

— Только недолго. Он только пришёл в сознание.

Хелена подошла к кровати.

Остановилась рядом.

Несколько секунд просто смотрела на него, будто боялась коснуться и проверить, что он настоящий.

Потом взяла его здоровую руку обеими ладонями.

Осторожно. Тепло. Почти бережно.

Ноа застыл.

Он помнил её руки другими. Аккуратными. Ухоженными. Сдержанными. Они поправляли воротник Элиаса перед семейными фотографиями, убирали пылинку с лацкана Мар-

куса, накрывали ладонь Ноа на столе только тогда, когда нужно было остановить его до того, как он скажет лишнее.

Сейчас эти руки держали его так, будто он был не проблемой, а спасённым.

Хелена наклонилась ближе.

— Элиас.

Имя прозвучало тихо.

И неправильно.

Ноа моргнул.

Сначала он подумал, что ослышался.

— Мой мальчик, — прошептала она. — Господи. Ты очнулся.

Он попытался убрать руку.

Не получилось.

Хелена решила, что ему больно, и тут же ослабила пальцы.

— Прости. Прости, я не хотела.

Ноа смотрел на неё и не понимал.

Нет.

Не так.

Он понимал.

Просто смысл отказывался становиться реальностью.

Она назвала его Элиасом.

Не случайно. Не в панике. Не перепутав близнецов на семейном ужине, как старые тётки, которых Маркус терпеть не мог.

Она назвала его так, будто другого варианта не существо-

вало.

Ноа попытался сказать “нет”.

Губы шевельнулись. Горло сжалось. Получился только сломанный вдох.

— Не надо говорить, — быстро сказала Хелена. — Тебе нельзя. Врач сказал, что нельзя напрягаться.

Он снова попытался.

— Н...

— Тише, Элиас. Пожалуйста.

Имя ударило второй раз.

Теперь сильнее.

Врач подошёл ближе.

— Госпожа Келлер, ему нужно сохранять спокойствие.

Хелена кивнула, но не отпустила его руку.

— Да. Да, конечно.

Ноа смотрел на врача.

Скажи ей, хотел он. Скажи ей, что она ошибается.

Но врач смотрел на него как на пациента с травмой головы.

Не как на человека, у которого украли имя, пока он был без сознания.

— Господин Келлер, — сказал врач спокойно. — Сейчас вам может быть трудно ориентироваться. Это ожидаемо после такой аварии. Вы можете испытывать путаницу, провалы памяти, нарушение восприятия времени и событий. Мы будем наблюдать.

Господин Келлер.

Не Элиас.

Не Ноа.

Безопасная формулировка.

Ноа попытался сжать пальцы. Получилось едва заметно.

Хелена почувствовала и сразу наклонилась к нему.

— Я здесь. Слышишь? Я здесь.

Ноа закрыл глаза.

Потому что так было легче.

Потому что когда он не видел её лица, можно было пред-
ставить, что это происходит не с ним.

Но она продолжала держать его руку.

И это было хуже.

Гораздо хуже.

Он столько лет говорил себе, что ему всё равно. Что он
давно перестал ждать от неё чего-то. Что человеку в трид-
цать два года смешно хотеть, чтобы мать наконец посмотре-
ла на него без усталости.

Но тело не знало этих умных объяснений.

Тело запомнило только тепло её ладоней.

Дверь снова открылась.

На этот раз шаги были другие.

Тяжёлые. Сдержанные. Привычные.

Ноа не нужно было открывать глаза, чтобы понять: Мар-
кус.

Он всё равно открыл.

Отец стоял у входа в палату.

Высокий, прямой, в тёмном пальто поверх костюма. Сидит у висков, лицо осунувшееся. Маркус Келлер всегда умел выглядеть собранно, даже когда всё вокруг разваливалось. Для него контроль был не привычкой, а способом существования.

Но сейчас в его лице было что-то новое.

Не мягкость. Нет. До мягкости Маркусу было слишком далеко.

Страх.

Настоящий, плохо скрытый страх.

Он смотрел на кровать и будто не решался подойти.

Ноа видел этот взгляд впервые.

Когда Ноа в семнадцать разбил машину Маркуса, отец смотрел на него с яростью.

Когда в двадцать пять он ушёл из бюро после скандала, Маркус смотрел с холодным презрением.

Когда после письма Штайнеру вся семья решила, что Ноа окончательно потерял связь с реальностью, отец даже не кричал. Он просто сказал: “Я устал вытаскивать тебя из последствий твоего характера”.

Но сейчас Маркус смотрел так, будто боялся потерять его.

И Ноа почти не выдержал.

Маркус подошёл к кровати.

Остановился рядом с Хеленой. Положил руку ей на плечо, но смотрел только на Ноа.

— Элиас.

Снова.

Ноа почувствовал, как внутри что-то сжалось до боли.

Маркус произнёс имя спокойно, но голос у него был ниже обычного.

— Главное, что ты жив.

Ноа смотрел на него.

Вот так, значит.

Главное, что ты жив.

Фраза была простой. Почти сухой. Но для Ноа она прозвучала как что-то невозможное.

Отец никогда не говорил ему ничего похожего.

Не когда он болел в детстве.

Не когда сломал руку на тренировке.

Не когда исчез на три дня после очередной ссоры и вернулся с разбитой губой.

Тогда Маркус спросил только: “Ты понимаешь, как это выглядело?”

Сейчас он сказал: главное, что ты жив.

Но не ему.

Не Ноа.

Элиасу.

— Он пытался что-то сказать, — тихо сказала Хелена. — Но врач говорит, пока нельзя.

Маркус посмотрел на врача.

— Он нас понимает?

— Частично. Реакция есть. Но после такой травмы возможна спутанность. В ближайшие дни будем оценивать память, речь, ориентацию. Нельзя исключать временные провалы.

— Насколько временные?

— Пока рано говорить.

Маркус кивнул.

Он всегда так делал, когда получал информацию, которую нельзя было контролировать: кивал, будто уже начал строить план.

— Он спрашивал о... — Хелена запнулась.

В палате стало тихо.

Ноа открыл глаза шире.

О ком?

Скажи.

Скажи имя.

Хелена опустила взгляд на его руку.

— О Ноа.

Мир сдвинулся.

Совсем немного.

Но достаточно, чтобы белый потолок стал дальше, а звук аппарата — громче.

О Ноа.

Не “о брате”.

Не “о другом сыне”.

О Ноа.

Так, как говорят об отсутствующем.

Или о мёртвом.

Ноа попытался вдохнуть глубже. Боль тут же ударила в грудь. Монитор рядом запищал чаще.

Врач обернулся к аппарату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.